СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА ВЫПУСКА: ЯПОНИЯ И РОССИЯ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ. К 150-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ МЭЙДЗИ И 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 350–366.
Yearbook Japan, 2018, vol. 47, pp. 350–366.
DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10017

Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение

А. Н. Мещеряков

Аннотация. Реформы периода Мэйдзи следует признать чрезвычайно успешными. Их программа была обнародована в самом начале правления Мэйдзи и зафиксирована в «Пятистатейной клятве» (1868). Мэйдзи обещал синтоистским богам принимать решения на основе «общественных собраний» – и в стране был создан парламент (1889). Мэйдзи обещал, что правящие и управляемые станут ближе друг другу – и средневековая пропасть между властью и подданными действительно сузилась, а из разрозненных территориальных, сословных, конфессиональных и профессиональных групп была сформирована японская нация. Третий пункт, развитии личной инициативы, был также выполнен. Прежде всего, это относится к предпринимательству во всех его проявлениях. Именно благодаря этому Япония сумела провести ускоренную индустриализацию. Четвёртый пункт гласил о реформировании «дурных обычаев прошлого» и о введении управления в соответствии с принципами Неба и Земли, что обычно понимается как справедливое управление в соответствии с законами. Сословное право было упразднено, закон стал единым для всех. В пятом пункте говорилось о большей открытости Японии миру и о развитии образования. Эта цель была тоже, безусловно, достигнута.

В результате осуществления реформ была сформирована японская нация, миру был явлен новый японец, которого характеризуют беззаветная преданность императору и родине, жертвенность, активность, сравнительно высокий уровень образованности. В период Мэйдзи у власти находились достаточно прагматичные люди, которые не ставили перед страной и японцем несбыточных целей. Именно поэтому войны с Китаем и Россией закончились для Японии успешно.

В то же самое время патриотизм имел тенденцию перерастания в шовинизм, японец демонстрировал по отношению к императору такую высокую степень лояльности, которая лишала его возможности критического отношения к мероприятиям власти. Именно при Мэйдзи государство приобрело военную гиперфункцию. Сам Мэйдзи значился главнокомандующим, в результате осуществления всеобщего начального образования и всеобщей воинской повинности, военные ценности были распространены на всё общество. Первые мероприятия правительства Мэйдзи свидетельствуют об осуждении самурайской морали, но к концу его правления слово «бусидо» вновь обрело признаки респектабельности. Мэйдзи умер в обществе, которое было намного более милитаризованным, чем в год его рождения. Силовая составляющая

этого общества возросла многократно. И её вектор был направлен вовне. Стратегически это означало, что ценностные установки военного человека могут перевесить ценности человека мирного. Так и произошло.

Император, от имени которого осуществлялись все важнейшие проекты, имел статус божества, он находился вне действия этических норм, а, значит, и вне зоны критики. Чрезмерное единение народа и власти вышло в перспективе боком. Отсутствие разных мнений и сколько-нибудь сильной оппозиции лишило японское общество иммунитета против правительственных авантюр. В 30-е годы XX в., когда к власти пришли малокомпетентные лидеры, которые одушевлялись утопическими идеями паназиатизма, японцы послушно последовали вслед за ними. Попытки создания колоссальной колониальной империи не были подкреплены ни продуманной стратегией, ни ресурсами. Результат оказался ровно противоположным тому, о чём мечтали мэйдзийские лидеры: страна впервые в её истории была оккупирована иностранной (американской) армией, на какое-то время потеряла независимость, а американские военные осуществляли (и осуществляют) свою деятельность в условиях экстерриториальности, борьба против которой была одной из главных целей мэйдзийского правительства.

Ключевые слова: Япония, период Мэйдзи, реформы, формирование японской нации.

Реформы периода Мэйдзи могут быть поняты только с учётом того «отправного пункта», из которого началось движение к обновлённой Японии. Иными словами, речь идёт о состоянии государства и общества, с которым пришлось иметь дело реформаторам. Поэтому остановимся сначала на основных характеристиках государства и общества периода Токугава.

После долгих междоусобных войн XVI в. победу одержал Токугава Иэясу, которому удалось объединить страну, основать сёгунскую династию и выстроить тонкую систему сдержек и противовесов. Основной принцип управления можно определить как «разделяй и властвуй». Страна была поделена на две с половиной сотни княжеств, которые Иэясу ранжировал по нескольким категориям. Главными из них были следующие: дома, из которых мог выбираться новый сёгун (*госанкэ*); «родственники» («*симпан даймё*», состояли в родственных отношениях с домом Токугава); «союзники» («*фудай даймё*», или «*хатамото*»), поддержавшие Иэясу в его борьбе за объединение страны; «внешние князья» («*тодзама даймё*»), сражавшиеся против Иэясу. Каждая из категорий обладала своими специфическими привилегиями, правами и обязанностями. «Внешние князья» находились в положении дискриминируемых. Хотя со времени окончания гражданской войны прошло два с половиной века, это деление продолжало сохраняться, и никакой возможности перейти из одной категории в другую не существовало. Внутри основных категорий князей существовали и более мелкие градации, князья обладали своими воинскими дружинами и вассалами, что

создавало достаточно запутанную систему вассальных отношений. При этом переход из одной категории в другую был, как правило, тоже невозможен.

Общим курсом Токугава по отношению к княжествам была не их окончательная интеграция, а фиксация того типа отношений, который существовал при Иэясу. Это не означает, что правительство бакуфу не занималось конфискацией и перераспределением земель при первых сёгунах (было ликвидировано 87 знатных военных домов, владения трёх были уменьшены в размерах), но идеи полной централизации управления не существовало. К XVIII в. система обрела окончательную стабильность, случаи перераспределения земли и переводов даймё с места на место стали скорее не правилом, а исключением. Идеалом сёгуната Токугава являлась конфедерация княжеств, а не государство абсолютистского (высокоцентрализованного) типа. Это было не только политическое, но и мировоззренческое убеждение: Иэясу завещал своим потомкам оставлять без изменения нравы и обычаи провинций, входивших в Японию, заявив: то, что хорошо для одних, не подходит другим [Филиппов, 1998]. Таким образом, идеал эпохи Токугава предполагал не единообразие, а разнообразие. Сложность социальной иерархической структуры, а не её гомогенность представлялась наиболее желательным состоянием общества. Усилия сёгуната были направлены на поддержание такой структуры, а не на её упрощение.

Население было поделено на четыре основных категории (самураи, крестьяне, купцы и ремесленники). Кроме того, существовали и более мелкие по численности группы: аристократия императорского двора, духовенство, парии (*эта*, *хинин*) и др. Переход из одной категории в другую был мало или вообще невозможен. Сословность общества, наследственность занятий, принадлежность к разным княжествам, наличие в стране двух главных источников легитимности (сёгунат в Эдо и императорский двор в Киото), малая социальная и географическая мобильность населения, высокая степень его оседлости, обилие изолирующих ландшафтов, недостаточная унификация обычаев, многодиалектность создавали ситуацию, когда невозможно говорить о существовании единого японского народа. Дискурсу этой эпохи слово «японец» (*нихондзин*) знакомо, но оно употребляется весьма редко. Людям, населявшим Японию, была хорошо знакома лояльность по отношению к непосредственному сюзерену, семье, крестьянской общине, профессиональному объединению (цеха ремесленников, торговые дома), религиозной школе, однако общей для всех идентичности не существовало [Мещеряков, 2006].

На формирование нации огромное влияние оказывают контакты с «другими» и противопоставление им, однако особенностью японской ситуации времени Токугава стала почти полная изоляции страны от ос-

тального мира. Страна была закрыта как для въезда, так и, в особенности, для выезда. Сёгунат Токугава ощущал внешний мир прежде всего как угрозу. Море воспринималось не как потенциальный источник открытий и обретений, а как среда, которая является проводником дурных учений, влияний, опасности, нашествий. В соответствии с этими убеждениями и выстраивалась «внешняя политика» сёгуната, направленная на то, чтобы никакой внешней политики не было бы вовсе. Среди институтов сёгуната внешнеполитическое ведомство попросту отсутствовало. Страна не стремилась к расширению своей территории. Европейский пафос эпохи «великих географических открытий» был тогдашней Японии абсолютно чужд. Таким образом, внешнеполитические соображения оказывали огромное влияние на всю деятельность сёгуната. Политика почти полной закрытости была её стержнем. В первую очередь учитывалась та опасность, которую несли христиане (европейцы). В то же самое время существовали опасения и по отношению к Китаю, власть в котором принадлежала «варварской», «кочевнической» династии маньчжуров. Торговля, осуществлявшаяся через Нагасаки с Голландией и Китаем, имела крайне ограниченный объём и не меняла ситуацию в целом. То же самое можно сказать и о редких дипломатических миссиях из Кореи.

Расхожее мнение заключается в том, что закрытие страны лишило Японию контактов с более «развитой» западной цивилизацией и обрекло её на «отсталость». Вместе с тем следует помнить и о том, что одновременно с закрытием Япония «обрекла» себя на спокойную, мирную и вполне благополучную жизнь, которая длилась в течение более двух веков. Этот неоспоримый факт объективирован в гораздо меньшей степени, что является отражением ценностных установок современного глобалистского общества, ориентированного на «прогресс» и «открытость». Оба этих понятия обладают исключительно положительными коннотациями, хотя на самом деле они имеют исторический, т. е. преходящий характер. Острейшие проблемы, с которыми сталкивается нынешний мир, редко воспринимаются как следствие «прогресса» и «открытости». А если и воспринимаются, то преимущественно в духе рассуждений: для решения проблем требуется ещё больше прогресса и ещё больше открытости.

Самому же Токугавскому государству и обществу понятие прогресса было абсолютно чуждо. Идеальным состоянием признавалась стабильность, т.е. отсутствие изменений. Идеалом выступало не будущее, а прошлое. «Золотой век» Японии токугавские мыслители относили к правлению мифического первоимператора Дзимму, а не к своим предшественникам (сёгунатам Минамото и Асикага). Дом Токугава позиционировал себя в качестве защитника императорской династии, т. е. выполнял служебную функцию.

Период Токугава оказался крайне беден «историческими событиями». После Симабарского восстания (1637–1638) не случилось ни одной

войны, открытых социальных столкновений и протестов регистрируется крайне мало, все они имели локальный характер. Реформы, которые проводил сёгунат, были направлены прежде всего на консервацию существующего положения, а не на инновации. В государстве и обществе, безусловно, происходили изменения, но они имели такую степень постепенности, что зачастую история периода Токугава воспринимается нынешним внешним взглядом как «скучное» повторение и отклонение от «нормы», под которой понимается европейский исторический «динамизм» с его бесконечными конфликтами, войнами, революциями, открытиями и изобретениями. Однако для самих носителей тогдашней японской культуры отсутствие «движения» воспринималось как безусловное благо.

Опираясь на конфуцианскую концепцию церемониальности (礼 кит. *ли*, яп. *рэй*), которая предполагает знание каждым человеком своего места в иерархии, Токугавская элита прекрасно владела технологиями «замедления» времени и предотвращения конфликтных ситуаций. Технологии управления и хозяйствования обладали достаточной эффективностью для поддержания в стране высокой численности мирного населения (около 30 млн человек), что, по европейским понятиям, было очень много. Токугавская система власти обладала завидной прочностью, однако она могла существовать только в условиях замкнутости, и контакт с суперагрессивной западной цивилизацией привёл к её почти мгновенному развалу. За долгие годы мира приходилось платить: Япония не обладала управленческим, духовным, научно-техническим и, следовательно, военным потенциалом для того, чтобы дать отпор внешнему натиску, и под давлением западных держав сёгунату пришлось открыть порты для западных кораблей, что спровоцировало глубочайший политический и мировоззренческий кризис. Опасения сёгуната, что беды следует ожидать из внешнего мира, оказались верными.

Социальная иерархия была проведена в Токугавской Японии с намного бóльшей последовательностью, чем в феодальной Европе, цена социального деления была чрезвычайно мала. Несколько «терроризируя» действительность, можно утверждать, что в стране не существовало двух людей, равных друг другу по статусу. Люди, принадлежавшие к разным социальным, территориальным, профессиональным, возрастным группам считали друг друга «чужаками». Разобщенность общества не давала возможности организовать «общенародное» сопротивление напору Запада, хотя военная сила, отряжённая для того, чтобы заставить Японию открыться, была ничтожной.

Поскольку сёгунат оказался не в состоянии дать отпор западному давлению, он стал подвергаться проклятиям, многие полагали, что он должен быть устранён – ибо не может гарантировать безопасности императора и независимости страны. В титул сёгуна входило словосочетание «покоритель варваров», что звучало теперь как откровенная насмешка –

ведь именно «красноволосые варвары» заставили Японию открыться помимо её воли. Сёгунат обвиняли и в том, что он притеснял императора, и за то, что он со своей политикой изоляционизма оторвал страну от «достижений» западной цивилизации. Политика изоляционизма, которая раньше казалась благом, воспринималась теперь как преступная недальновидность. В результате вспыхнувшей гражданской войны к власти пришли те силы, которые выступали за всеобъемлющую модернизацию. Прежде всего это были низкоранговые самураи из юго-западных княжеств, которые относились к дискриминируемой категории «*тодзама*». Они взяли исторический реванш за поражение в XVII в., свергли последнего сёгуна Токугава Ёсинобу, упразднили сам сёгунат и объявили, что Япония «возвращается» к «исконной» императорской форме правления. На троне очутился юный Мэйдзи. Его перенесли в паланкине из Киото в сёгунский замок в Эдо (переименован в Токио), а его образ стал освящать всесторонние реформы, которые привели к кардинальному пересмотру огромного количества базовых ценностей.

Поначалу свержение сёгуната зачастую характеризовалось как «революция» (革命 *какумэй*), но несколько позже этот жёсткий термин был заменён на более мягкий – «обновление» (維新 *исин*). Это было связано с мировоззренческой позицией реформаторов, желавших подчеркнуть, что они «всего лишь» восстановили справедливость и вернули власть императорам, которую отобрали у них сёгуны. Интересно также, что в отличие от европейских стран, где приход к власти в результате революционных событий часто фиксируется в календаре, в принятом несколько позднее календаре японских праздников реставрация (революция) Мэйдзи не отражена никак – именно потому, что реформаторы стремились подчеркнуть не столько идею новизны, сколько идею преемственности. При проведении радикальных и действительно инновационных реформ мэйдзийская власть неизменно заявляла, что восстанавливает древние принципы.

Эпоха Мэйдзи характеризуется широчайшими преобразованиями во всех областях жизни. Император Мэйдзи позиционировался как абсолютный монарх европейского типа. Все преобразования проводились от его имени – ведь он был, согласно официальным подсчётам, 113-м представителем той династии, которая не знала перерыва с незапамятных времён (согласно тем же официальным данным, с 660 г. до н.э.) Он позиционировался как символ возрождения «древнего» принципа, в соответствии с которым ритуальная и распорядительные функции принадлежат одному и тому же источнику (祭政一致 *сайсэй итти* – «единство ритуала и управления»). Существование императора Мэйдзи обеспечивало новому правительству поистине «божественную» легитимность, ибо он считался потомком богини Аматэрасу. На самом деле Мэйдзи не являлся абсолютным монархом, он вообще ничего не решал.

Реальная власть принадлежала группе людей, состоявшей, в основном, из представителей низкорангового самурайства (в основном, из Сацума и Тёсю) и нескольких придворных аристократов.

Вместе с открытием Японии страна прекратила автаркическое существование и очутилась в мире с совсем другими правилами игры, которые были придуманы совсем не японцами. Нужно было овладеть этими правилами – в противном случае Япония неминуемо оказалась бы западной колонией, как это случилось практически со всеми азиатскими странами. Таким образом, перед реформаторами стояла одна важная задача: сохраняя независимость Японии, обеспечить её конкурентоспособность на международной арене. Все реформы вытекали из этой задачи и были подчинены ей. Опыта решения такой задачи у реформаторов не было. Вследствие этого произошло широчайшее обращение к западному опыту. Оно касалось не только материальной стороны жизни (наука и техника), но и важнейших мировоззренческих принципов.

Принципиальная возможность ликвидировать отсталость базировалась на теории прогресса. На вооружение было взято учение социального дарвинизма в версии Герберта Спенсера. Вслед за ним японцы стали считать, что «прогресс» обеспечивается сначала соревнованием между отдельными людьми, потом – между группами людей, а в настоящее время – конкуренцией между народами. Нации подобны биологическим видам, в их борьбе побеждает сильнейший. И самое, может быть, важное: по шкале, где сосуществуют «первобытные», «дикие» и «цивилизованные» народы, возможно перемещение вверх. А это давало надежду на улучшение своего положения. Прежняя, ведущая своё происхождение от Китая, модель мира была статичной. Она предполагала, что существует культурный центр, окруженный «варварами». Центр и периферия обладают постоянными и неизменными характеристиками, а потому варвары никогда не могут приобщиться к цивилизации и встать вровень с Центром. Поэтому перед культурным Центром не стоит задача по интеграции и «просвещению» варваров, а само их существование наполняет сердце гордостью, служит вечным и неопровержимым доказательством собственной цивилизованности. Взяв на вооружение теорию прогресса, реформаторы обрели надежду покончить с «отсталостью» Японии.

В связи с отменой сословий и княжеств самурайская лояльность прежнему сюзерену отменялась. В мэйдзийской Японии остался только один сюзерен – император Мэйдзи. Все остальные виды лояльности (семья, деревня, профессиональное объединение) отступали на второй план. Таким образом, речь шла о создании новой идентичности, т.е. обновлению подлежала не только сама власть, но и управляемые ею люди, ибо человек старой идентичности и старого образца был плохо приспособлен для решения задач, стоящих перед новым типом государства. В деле создания нового человека огромная роль принадлежала им-

ператору Мэйдзи. С одной стороны, он позиционировался как живое божество и объект для поклонения, с другой – выступал в качестве модели для подражания. Эта модель выстраивалась в значительной степени с европейскими образцами. Прежние императоры вели крайне уединенный и малоподвижный образ жизни, у них полностью отсутствовала военная функция. Что до Мэйдзи, то реформаторы придали его образу больше публичности, мужественности и динамизма: он путешествовал по стране и присутствовал на знаковых общенациональных мероприятиях; одевался по-европейски (в основном, носил военный мундир); отрастил бороду и усы; занимался конным спортом, кушал европейскую пищу. Видя это, подданные тоже меняли свой стиль жизни.

Реформаторы полагали, что страна может отстоять независимость только при создании единой нации, поэтому они безжалостно расправились и с сословиями, и с княжествами, создали новую территориальную единицу – префектуру. Слово «японец» становится в словаре эпохи чрезвычайно частотным. Всё население страны объявлялось «японцами», все японцы были подданными императора и по этому параметру все японцы были равны. Теперешний основной принцип управления следует определить как «объединяй и властвуй». В Европе формирование и конструирование наций началось в тот период, когда уже наблюдался закат монархической идеи. В Японии же формирование нации было обеспечено за счёт обновления и укрепления монархической конструкции.

Для реального объединения страны, для того, чтобы японцы перестали считать друг друга чужаками, использовалось множество средств. Так, были учреждены общенациональные символы (герб, гимн) и общенациональные праздники, все они имели прямое отношение к императорскому дому, опирались на синтоистский миф. Идея общенациональных праздников была заимствована с Запада, но если в Европе многие праздники имели христианское происхождение и потому их роль в значительной мере служила объединяющим все христианские страны началом, то в Японии общенациональные праздники не имели зарубежных аналогов (исключение составляет лишь Новый год). Буддийские праздники и годовщины, которые могли бы выполнить роль, аналогичную христианским, не были востребованы правительством Мэйдзи. В связи с этим в Японии актуализировался миф национальный, а не интернациональный, и вся система была выстроена в расчёте на выделение Японии и японцев как обладающих неповторимыми характеристиками.

На начальном этапе реформы проводились под лозунгом «*буммэй кайка*» 文明開化, что можно перевести как «цивилизация и просвещение». Просвещение и овладение современными знаниями были тем инструментом, с помощью которого Японии предстояло стать страной «цивилизованной». Под «цивилизацией» же стала пониматься исклю-

чительно западная цивилизация, которой движут индивидуализм, конкуренция, капиталистическая организация производства, рационалистическое научное знание. Таким образом, речь шла о модернизации, синонимом которой выступала вестернизация. Япония, которая многие века ориентировалась в культурном и цивилизационном отношении на Китай (прежде всего, на Древний Китай), теперь решительно сменила образец для подражания. Теперь в его качестве выступал Запад.

Для того, чтобы создать нового человека, требовалось уменьшить влияние на него традиционного общества. На практике это означало изменение условий социализации и уменьшение количества времени, проведённого ребёнком в семье и соседском окружении. Введение в 1872 г. всеобщего обязательного четырёхлетнего образования создавало принципиально новую культурную ситуацию, когда социализация всех японцев в значительной степени стала осуществляться вне пределов семьи и в соответствии с прямыми указаниями государства (Министерства просвещения). Япония стала одной из первых стран в мире, которая ввела всеобщее образование. Поскольку школы были государственными, то содержание учебного процесса напрямую зависело от того, какого курса придерживается в данный момент государство. Школьная реформа была проведена под влиянием либеральных индивидуалистических идей, которые были тогда сильны в правительстве. В преамбуле распоряжения о создании школы говорилось о важности знаний для достижения личного успеха.

О важности образования в глазах правительства того времени свидетельствует такой факт: совокупные инвестиции в образование равнялись расходам на оборону. В то время на Западе существовала только одна страна, где расходы на образование превышали оборонный бюджет. Это была Америка. Япония являлась «развивающейся» страной. Обычно в таких странах военный бюджет резко превышает бюджет образовательный. Однако политическая элита отдавала себе отчёт в том, что реформы осуществляют конкретные люди. И если они неграмотны, то самые благие намерения обречены на провал. В «развивающихся» странах строительство образования обычно начинается с высшего звена – университетов. В результате имущественный и социальный разрыв между элитой и «простолюдинами» дополняется колоссальной разницей в уровне образования. Однако японские лидеры рассудили по-другому: основной акцент был сделан именно на начальном образовании, что отражает установку реформаторов на увеличение возможностей по мобилизации масс для выполнения общенациональных задач.

И без введения обязательного обучения Япония была страной весьма образованной. Однако теперь менялась сама концепция того, чему следует учить. Если образование в эпоху Токугава делало упор на воспитательном (моральном) аспекте, то теперь во главу угла ставилось предметное

(т. е. практическое) знание. Образовательная система (помимо начальной школы, несколько позднее были созданы средние школы, профессиональные училища, гимназии, университеты) давала такие практические знания, в овладении которыми «отсталые» родители помочь детям не могли. Школа приучала учеников совсем к другому образу жизни. Многие учебники были поначалу переводными с английского, в школах сидели не на циновках, а за партами, девочки учились вместе с мальчиками. Школа создавала «информационную солидарность» между поколением учеников, но она же создавала информационный, культурный и поведенческий разрыв между детьми и родителями.

Несмотря на все недостатки и трудности, усилия по обучению населения приносили свои плоды. Все европейские наблюдатели единогласно отмечали: школьное дело в Японии поставлено превосходно. На Парижской всемирной выставке 1878 г. Японии присудили первую премию за организацию школьного дела. В стране насчитывалось уже 20 тысяч школ, в которых обучалось больше 40 % детей.

Здания школ использовались не только для обучения детей. Школа была государственным учреждением, которое служило и для собраний взрослых. Например, именно в школах они могли знакомиться с правительственными указами. В школах же проводились и многочисленные общеобразовательные лекции.

Вторым основным лозунгом эпохи был призыв создать «богатое государство и сильную армию» (富国強兵 *фукоку кёхэй*). Реформаторы понимали его как создание развитой промышленности и мощной армии, что обеспечит независимость страны и её достойное положение в мире.

Для осуществления лозунга «фукоку кёхэй» было проведено множество мероприятий, поощряющих развитие промышленности. На её основе строилась японская армия. Указ о создании системы трёхлетнего всеобщего призыва был обнародован в 1873 г. – на год позже распоряжения о школьной реформе. Реформа имела не только оборонные, но и идеологические цели. Императорский указ начинался с критики самураев. Утверждалось, что они без суда и следствия могли убивать простых людей. Это являлось нарушением заветов древности, а потому ныне следовало вернуться к её незамутнённости, но учитывая при этом и иностранный опыт. Для неграмотных солдат в армии устраивали школьные занятия, юноши из разных префектур общались друг с другом, проходя службу, они были объединены одной главной целью – защитой императора и родины, о чём твердили офицеры на политинформациях. Предполагалось, что эта общая цель поможет создать новую общность под названием «японский народ». Наряду со школой, армейская служба тоже изолировала молодого человека от привычного окружения и исполняла важнейшую роль в деле формирования нового японца.

В лозунге «фукоку кёхэй» речь шла о богатой стране (богатом государстве), а не о богатых людях. То есть приоритетом объявлялось государство, а не человек. По этому параметру лозунги «буммэй кайка» и «фукоку кёхэй», образовательная и военная реформы находились поначалу в значительной степени в конфликтующих отношениях, что отражает сложность и неоднозначность исторической ситуации. Однако с течением времени, к концу жизни императора Мэйдзи, образовательный процесс оказался подчинён государственным интересам в ущерб индивидуалистическим ценностям. С течением времени роль армии всё время возрастала. Военный бюджет намного превышал бюджет образовательный, военные ценности оттесняли ценности личные и гражданские, о чём свидетельствует эволюция школьного образования.

Элита была озабочена созданием японской нации. Одним из основных условий этого является создание общего для всего народа фонда знаний и памяти – все люди в стране должны уметь разговаривать на одном и том же языке, знать одни и те же факты, разделять одни и те же ценности. Со временем в школе всё бóльшее значение получал воспитательный элемент. Цели, провозглашённые в преамбуле указа об образовании 1872 г., подчёркивали важность образования для достижения личного успеха в жизни, однако либеральные ценности всё больше отвергались государством и обществом. В немалой степени потому, что заимствуя западный опыт, Япония получила не только его преимущества, но и «отрицательную» для государства повестку дня: смешение гендерных функций, разрыв между поколениями, индивидуализм, борьбу за свои права, скепсис по отношению к мероприятиям власти. От «западных» прав следовало переходить к традиционной японской морали с её акцентом на обязанностях. В декабре 1880 г. был пересмотрен закон об образовании, в школьную программу введён предмет, который обычно переводится как «этика» или «мораль» (修身 *сюсин*). Более буквальный перевод – «воспитание личности». На занятиях по этому предмету учили уважать императора, родителей, старших по возрасту и положению, соблюдать церемониальные нормы поведения. Воспитание было нацелено на то, чтобы человек «правильно» понимал своё место в государстве и обществе. В 1890 г. появился императорский «Манифест о воспитании», адресованный школьникам. В нём предписывалось соблюдать «вечные» моральные ценности, завещанные предками и присущие только Японии, источником которых является правящий дом. Ученики должны были твёрдо усвоить моральные нормы конфуцианства: любить и почитать родителей, братьев и сестёр, быть верными друзьями. Император приказывал хорошо учиться, быть скромным, уважать Конституцию и соблюдать законы, а в случае необходимости отдать свою жизнь за Государство, и, тем самым, способствовать процветанию императорского дома, вечного, как Небо и Земля.

Книги, в которых делался упор на правах человека, были исключены из школьных программ, постепенно стали вводиться учебники, завизированные Министерством просвещения. Этот переход был логически завершен в 1903 г., когда учебники стали визироваться не только Министерством просвещения, но и военными ведомствами. Разнообразие стало всё чаще восприниматься как хаос, унификация и гомогенность представлялись как идеальное состояние общества.

Нация относится к так называемым «воображаемым сообществам». Эта нация настолько велика, а само её понятие настолько абстрактно, что идея нации требует постоянной подпитки в виде компактных и понятных каждому человеку метафор. В тексте «Манифеста о воспитании» встречается термин *кокутай* 国体 – государство-тело. Уподобление государства человеческому организму встречается ещё в древнекитайских сочинениях, употребляли его и мыслители в конце периода Токугава. Имелось в виду, что Япония обладает уникальными особенностями, зафиксированными в синтоистском мифе. Теперь понятие *кокутай* обрело новую жизнь. При этом знакомая метафора приобретает и значения, навеянные европейскими (главным образом, немецкими) правоведами с их идеями «органического государства».

Наиболее успешно в плане общественного признания применял метафору тела юрист Минобэ Тацукити (1873–1948). Именно под его влиянием в широкий оборот прочно входит «теория органа» (機関説 *кикансэцу*). Согласно Минобэ, государство представляет собой единый организм, в котором каждая клетка (человек) входит в состав определенного органа и всего тела. Император же отправляет функцию «головы».

В традиционной китайской мысли государь характеризовался, как правило, в качестве «сердца» (или «сознания» – *син*, *кокоро* 心) – органа главного, но местоположение которого определить затруднительно, поскольку его (в отличие от сердца анатомического) нельзя увидеть. Вслед за Китаем, в древней и средневековой Японии император также уподоблялся сердцу. Уподобление господина голове, а вассалов – рукам и ногам – встречается преимущественно в военной сфере (скажем, при описании отношений князя и его самураев). Однако в Японии конца XIX в. вместе с началом позиционирования императора в качестве верховного главнокомандующего император Мэйдзи тоже начинает уподобляться «голове». Так, в манифесте 1882 г., адресованном военнослужащим, император говорит о себе, как о голове, а о военнослужащих, как о ногах и руках, представая в качестве руко- и ноговодителя.

Ощущая себя частью коллективного тела, японец лишался своего собственного тела. В период Мэйдзи планомерно осуществлялась «национализация» тела каждого конкретного японца [Мещеряков, 2014]. В манифесте 1882 г. утверждалось: долг перед родиной – тяжёл, как гора, но смерть за неё – легче птичьего перышка. В «Манифесте об образовании», помимо призыва к прилежной учёбе и почитанию родителей,

говорилось о долге перед родиной – «в случае необходимости» отдать свою жизнь и тело за государство и императора.

В период Токугава тело тоже не принадлежало самому человеку. Идеи безграничной верности самурая сюзерену («сюзеренизация тела»), необходимость соблюдения долга перед родителями и служение им тоже приводили к отчуждению собственного тела, которое предназначается для служения родителям (патернализация тела). Верность сюзерену – это верность конкретному человеку. Его смерть означает прекращение служения. На практике самураи присягали на верность и наследнику князя, но всё-таки имели теоретическую возможность не делать этого. Долг перед родителями имел возрастные ограничения – смерть родителей (это не отменяло обязанности чтить память о них). Ребёнок рано или поздно сам превращался в родителя, превращаясь в объект заботы и поклонения. Однако долг перед «родиной» или императором таких ограничений не имел: понятие «родины» вообще не имеет временного измерения, жертвенность по отношению к императору воспринимается как служение «вечной» династии. Это служение кончается только со смертью самого человека.

К понятию «*кокутай*» тесно примыкает и концепция «государства-семьи». В этой системе император исполняет роль отца-матери (父母 *фубо*) для своих подданных, которые в официальных указах именуются младенцами (赤子 *сэкиси*). Метафора родитель-младенцы основана на неравноправных отношениях. Родители лучше знают, что хорошо, а что плохо. Поэтому-то император не только имеет право, он обязан воспитывать своих детей – издавать указы, законы и следить за их исполнением. В китайской политической философии долг по отношению к родителям (孝 *ко*) и долг по отношению к государю (忠 *тю*) были разведены. И верность по отношению к родителям не означала автоматической верности императору, долг перед родителями считался важнее долга перед «сыном Неба», что вызывало в Японии осуждение: подобная ситуация предусматривала возможность выступления против монарха.

В связи с этим японская общественная мысль «усовершенствовала» китайскую модель – оба этих долга оказались объединены в один: «верность государю и родителям – это одно и то же» (忠孝一本 *тюко иппон*). Подобное соединение встречается ещё в работах нативистов эпохи Токугава, в период Мэйдзи этот лозунг был повторно обоснован Като Хироюки, который полагал, что в нём заключена уникальность японской политико-культурной ситуации, когда правящая династия не знает перерыва (万世一系 *бансэй иккэй* – «десять тысяч правлений – одна династия»), и в стране невозможны революции – на том основании, что в жилах всех японцев течёт одна и та же кровь.

Профессор Токийского императорского университета Ходзуми Ясака (1860–1912) в работе «Патриотизм народного образования» писал в 1897 г.: «Неотъемлемое свойство [политической] системы японского народа состоит в том, что она является кровным образованием… Нашим общим предком является внушающий трепет Небесный императорский предок. Он является предком нашего народа, а императорский дом является домом хозяина народа». В 1912 г. другой профессор Токийского университета – Какэи Кацухико (он был воспитателем будущего императора Сёва) – додумал эту мысль до конца и в работе «Великий смысл древнего синто» заявил, что «ни один человек, принадлежащий к японскому народу, не может существовать без императора. Поскольку мы получаем свою жизнь от внушающего трепет императора, то, если бы императора не было, мы не смогли бы даже родиться, а японский народ исчез» [Судзуки, 2006, с. 61–66.].

Утверждение, что все японцы являются кровными родственниками, было действительно большим новшеством. Ещё совсем недавно утверждение о том, что в жилах сёгуна и крестьянина течёт одна и та же кровь, было немыслимым.

Таким образом, все японцы считались органами (клетками) одного и того же огромного тела – сообщества под названием «государство». В «настоящем» теле каждый орган выполняет отведённую ему функцию. Но японская общественная мысль основной упор делала не на функциональности, а на соподчиненности органов, т.е. на первое место выходила идея иерархии и служения. Семейная метафора, описывающая государство, была «клонирована» и на бытовом уровне. Она была закреплена в гражданском кодексе 1898 г., где, несмотря на многие западные нововведения, главе семейства предоставлялись огромные полномочия по отношению к членам семьи (вплоть до права исключать кого-то из семейных списков, что превращало исключенного в деклассированный элемент). Таким образом, государство-семья представляло собой конструкцию, в которой единоначалие было главным принципом.

Парадокс состоит в том, что понятие «семья» подверглось в это время серьёзнейшему переосмыслению под влиянием западных (христианских) идей моногамии. Семье предписывалось быть крепкой, но брачные нравы начала периода Мэйдзи не отличались строгостью. Считается, что из трёх браков один заканчивался разводом. Наличие любовницы или же содержанки из дома терпимости не считалось предосудительным. Что до элитарного слоя прежнего японского общества (император, аристократия, сёгун, князья), то его представителям предписывалась полигамия. Наложницы служили не только показателем статуса, но и помогали избежать бездетности. В дворцовом штате Мэйдзи также были наложницы (и сам Мэйдзи, и его единственный сын, будущий император Тайсё, были рождены от наложниц), но во второй половине своего правления Мэйдзи стал позиционироваться как

глава образцовой моногамной семьи. Празднование его серебряной свадьбы в 1894 г. превратилось в общенациональное мероприятие.

Реформы периода Мэйдзи следует признать чрезвычайно успешными, если иметь в виду, что они достигли своих главных целей: неравноправные договоры с западными странами были пересмотрены, страна отстояла свою независимость, выиграла две войны, стала колониальной державой, стала первой страной в Азии, которая заставила Запад считаться с собой. Программа действий Мэйдзи была обнародована в самом начале его правления. Она была зафиксирована в «Пятистатейной клятве» (1868). Мэйдзи обещал синтоистским богам принимать решения на основе «общественных собраний» – и в стране был создан парламент (1889). Мэйдзи обещал, что правящие и управляемые станут ближе друг другу – и средневековая пропасть между властью и подданными действительно сузилась, а из разрозненных территориальных, сословных, конфессиональных и профессиональных групп была сформирована японская нация. Третий пункт, о развитии личной инициативы, был также выполнен. Прежде всего, это относится к предпринимательству во всех его проявлениях. Именно благодаря этому Япония сумела провести ускоренную индустриализацию. Четвёртый пункт гласил о реформировании «дурных обычаев прошлого» и о введении управления в соответствии с принципами Неба и Земли, что обычно понимается как справедливое управление в соответствии с законами. Сословное право было упразднено, закон стал единым для всех. В пятом пункте говорилось о большей открытости Японии миру и о развитии образования. Эта цель была тоже, безусловно, достигнута.

В результате осуществления реформ была сформирована японская нация, миру был явлен новый японец, которого характеризуют беззаветная преданность императору и родине, жертвенность, активность, сравнительно высокий уровень образованности. В период Мэйдзи у власти находились достаточно прагматичные люди, которые не ставили перед страной и японцем несбыточных целей. Именно поэтому войны с Китаем и Россией закончились для Японии успешно.

В то же самое время патриотизм имел тенденцию перерастания в шовинизм, японец демонстрировал по отношению к императору такую высокую степень лояльности, которая лишала его возможности критического отношения к мероприятиям власти. Именно при Мэйдзи государство приобрело военную гиперфункцию. Мэйдзи родился в эпоху господства военного сословия. Самурайское сословие было упразднено, но потомков самураев было больше, чем дворян в любой европейской стране. Будучи самыми образованными людьми в Японии, самураи перетекли на государственную службу, сформировав костяк административного, образовательного, полицейского и армейского аппаратов, куда они привнесли ценности военного человека: дисциплину, порядочность, верность, склонность решать проблемы силовым путём. Сам Мэйдзи

значился главнокомандующим, в результате осуществления всеобщего начального образования и всеобщей воинской повинности, военные ценности были распространены уже на всё общество. Первые мероприятия правительства Мэйдзи свидетельствуют об осуждении самурайской морали, но к концу его правления слово «*бусидо*» вновь обрело признаки респектабельности. Мэйдзи умер в обществе, которое было намного более милитаризованным, чем в год его рождения. Силовая составляющая этого общества возросла многократно. И её вектор был направлен вовне. Стратегически это означало, что ценностные установки военного человека могут перевесить ценности человека мирного. Так и произошло.

Западные наблюдатели с восхищением отмечали патриотизм японцев. Реформы Мэйдзи действительно сформировали японскую нацию, главной объединяющей силой которой был император. Император, от имени которого осуществлялись все важнейшие проекты, имел статус божества, он находился вне действия этических норм, а значит, и вне зоны критики. Чрезмерное единение народа и власти вышло в перспективе боком. Отсутствие разных мнений и сколько-нибудь сильной оппозиции лишило японское общество иммунитета против правительственных авантюр. В 30-е годы XX в., когда к власти пришли малокомпетентные лидеры, которые одушевлялись утопическими идеями паназиатизма, японцы послушно последовали вслед за ними. Попытки создания колоссальной колониальной империи не были подкреплены ни продуманной стратегией, ни ресурсами. Результат оказался ровно противоположным тому, о чём мечтали мэйдзийские лидеры: страна впервые в её истории была оккупирована иностранной (американской) армией, на какое-то время потеряла независимость, а американские военные осуществляли (и осуществляют) свою деятельность в условиях экстерриториальности, борьба против которой была одной из главных целей мэйдзийского правительства.

Библиографический список

Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006.

Мещеряков А. Н. Стать японцем. Топография тела и его приключения. М.: Наталис, 2014.

Судзуки Садами. Кокка-о сосики суру сисо, кокка-о коэру сисо. Синтай, ти, сэймэй – Гидзюцу то синтай : [Идеи, на которые опирается государство, идеи, которые больше государства. Тело, знания, судьбы. Технологии и государство] / под ред. Киока Нобуо и Судзуки Садами. Токио, «Минэрбо», 2006.

Таки Кодзи. Тэнно-но сёдзо : [Изображения императора]. Токио: Иванами, 2002.

Филиппов А. В. «Стостатейные установления Токугава» и «Кодекс из ста статей». СПб.: изд-во СПбГУ, 1998.

References

Mescheryakov A. N. (2006). Imperator Meiji i ego Yaponiya [Meiji Emperor and His Japan], Moscow: Natalis.

Mescheryakov A. N. (2014). Stat' yaponcem. Topografiya tela i ego priklyucheniya [To become a Japanese: the topography of body and its adventures], Moscow: Natalis.

Philippov A. V. (1998). «Stostatejnye ustanovleniya Tokugava» i «Kodeks iz sta statej» [Tokugawa's "Code of One Hundred Articles"], Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU.

Suzuki Sadami. (2006). Kokka o soshiki suru shisō, kokka o koeru shisō: Shintai, chi, seimei, *Gijutsu to shintai* [Ideas that the state relies on, ideas that are greater than the state. Body, knowledge, destiny. Technology and the state], edited by Kioka Nobuo and Suzuki Sadami, Minerva Shobo.

Taki Kozo. (2002). Tenno no shozo [Images of the emperor]. Tokyo: Iwanami.